

УДК 94(47+57)(=16)“18”

Р.В. СОЛОВЬЕВ

ВЗГЛЯДЫ М.О. КОЯЛОВИЧА В КРУГУ ИДЕЙ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX в. И ПРОБЛЕМА ИЗУЧЕНИЯ БЕЛОРУССКИХ ЗЕМЕЛЬ

Статья посвящена творчеству М.О. Кояловича и его взглядам на историю Беларуси, а также некоторым особенностям развития представлений по вопросу исторических судеб восточного славянства в среде ученых, литераторов и общественных деятелей Восточной Европы второй половины XIX в. Особое внимание уделено дискуссионным аспектам данной темы, анализ которых весьма показателен и дает нам представление о позициях авторов, внутренней логике их аргументации в деле реконструкции исторических процессов.

Введение

Михаил Осипович Коялович (1828–1891 гг.) был широко известен российской общественности второй половины XIX в. В течение тридцати пяти лет он работал на кафедре русской истории Санкт-Петербургской Духовной Академии и долгое время эту же кафедру возглавлял. Находясь в самом центре политической и культурной жизни Российской империи среди богатейших библиотечных и архивных собраний, ученый посвятил много своих трудов изучению исторических судеб славянского мира.

Следует рассматривать труды М.О. Кояловича как своеобразное взаимодействие профессиональной науки и общественного сознания, направленное на изучение западно-русских (белорусских) земель.

Немаловажное значение имели и теоретические выкладки данного ученого. Так в своем главном труде по русской истории – “История русского самосознания по историческим памятникам и научным сочинениям” (1884 г.) – он следовал тому принципу, который больше всех других “обнимает фактическую часть русской истории и лучше других освещает действительные и существенные ее стороны” [1, с. 43]. Полагая, что в истории “область объективных истин весьма невелика, а все остальное субъективно и неизбежно субъективно” [1, с. 42], Коялович видел задачу историографии в том, чтобы “разобраться в разного рода субъективизмах по изучению русской истории” [1, с. 43–45].

В своих журнальных статьях по истории Западной и Юго-Западной Руси, а также в речах он стоял за возможно тесное общение между славянскими племенами.

Основная часть

Коялович одним из первых сознательно и последовательно рассматривал развитие русской исторической науки через призму эволюции русского самосознания. Действительно, ранее все ученые больше изучали историю государства, в меньшей степени – народа, но только выходец из тех земель, где многие века русскому самосознанию пришлось упорно отстаивать свое существование, смог сказать новое слово в исторической науке. Монументальная работа “История русского самосознания” М.О. Кояловича даже своим заглавием предполагала представить историю исторической науки на теоретическом основании. Поставив перед собой задачу поиска научной истины в изучении русской истории в

трудах немецких ученых, “наших летописцев”, “ученейших историков новейших времен”, Михаил Осипович пришел к заключению, что: “...факты ими не собираются, а выбираются, и не объединяются, а насильно подгоняются под начала наперед составленные, взятыми готовыми у чужих людей, – у разного рода западноевропейских ученых... Такова большая часть сочинений наших западников и тесно с ними связанных реалистических. От такого субъективизма наука русской истории не много выиграет” [1, с. 43–44]. Отдавая должное значение трудам иностранцев с историографической точки зрения, а также в деле описания быта страны, Коялович оставался весьма низко мнения об их вкладе в отечественную историографию. В итоге, Коялович пришел к осознанию, что “русский субъективизм” славянофилов “...больше всех других освещал действительные и существенные стороны ее истории...”, и, что этот путь в осмыслении прошлого своей страны более честный и прямой в сравнении с другими [1, с. 44–45].

Важную роль в изучении славянской истории в духе славянофильства Коялович видел в “Русской истории” Татищева, “болтинской” и особенно “карамзинской” теориях. А сам “славянофильский” подход к изучению истории, по мнению историка, возникает в спорах между “скептической школой” М. Каченевского и ее противниками во главе с М. Погодиным [1, с. 175]. Коялович выражал свою солидарность с историческими взглядами предшественников – Погодина, Шевырева, Хомякова, братьев Киреевских и Аксаковых, Лешкова, Беляева и др. Характеризуя творчество славянофилов, он отмечал, что они решительно не допускали усвоения нравственных идеалов Запада, восприятия и переноса на русскую почву исторического и жизненного опыта отдельных европейских народов [1, с. 251]. Вместе с тем, подчеркивал Коялович, славянофилы при всем их внимании к складу русской жизни не могли не уважать самобытных местных и племенных особенностей своего народа. От изучения собственно русской истории славянофилы стали переходить в область общеславянскую. Но не следует обманываться, что славянофилы желали государственного слияния в одно целое всех славян. Коялович в этом отношении лишь отмечал: “Они хлопочут собственно о внутреннем единстве славян и только указывают на русский язык, как на более пригодное средство для успеха этого единения” [1, с. 256].

Больше всего в творчестве М.О. Кояловича прослеживается линия, посвященная положению славян в так называемой Западной России. Это нашло отражение во множестве статей и монографий автора. И его не случайно именуют главным теоретиком “западноруссизма” [2, с. 7].

Михаил Осипович имел достаточно четко выявленную западнорусскую идентичность и понимал под Западной Россией Беларусь и Украину: “Под именем Западной России нужно разуметь не одну Белоруссию или Литву, а вместе с ними и Малороссию, т. е. нужно разуметь ту страну, которая лежит на запад от Днепра и юго-запад от Двины до границы Царства Польского и Австрийской империи” [3, с. 3].

В публикациях ученого в начале 1860-х гг. проявляется своеобразный патриотизм, который можно назвать “западнорусским”. Элиту “западнорусского” народа Коялович видел в местном православном духовенстве, обладающим, по его мнению, особой исторической миссией. Например, рассуждая в 1863 г. на страницах “Литовских епархиальных ведомостей” на тему исторического призвания “западнорусского” духовенства, Коялович писал об оторванности, в том числе и языковой, приходских священников от своих собственных прихожан [4, с. 65].

В том же 1863 г. М.О. Коялович в аксаковском “Дне” очертил границы белорусского племени. Так, Белоруссия – это “всё то племя, которое говорит белорусским наречием”, ареал расселения которого охватывает Витебскую губернию, часть Могилевской и Минской, большую часть Гродненской и Виленской и малую часть Ковенской губерний [5, с. 197].

Как отмечает историк М. Долбилов: “Привычно чередовавший в своих статьях определения “белорусский” и “литовский” и называвший себя то “белорусом”, то “литвином” или даже “литовцем”, Коялович, тем не менее, явился одним из творцов новой ментальной карты, на которой определяемая ранее в исторических терминах Литва потеснилась перед наступающей на нее с востока и юга Белоруссией” и стала связываться с литовским этносом [5, с. 197].

Говоря о Западной Руси в представлениях Кояловича, следует отметить, что главной отличительной чертой этого региона для него было историческое наследие Великого княжества Литовского, причем преимущественно в его русской форме. Именно Великое княжество Литовское, а не “польское государственное единение Западной России” (Речь Посполитая), “дало широкое развитие тому внутреннему объединению Западной России... которое очевидно всякому специалисту” [6, с. 19–20].

Весьма показательной здесь выступает логика Кояловича в известной полемике с украинофилом Н.И. Костомаровым, критиковавшим его в 1864 г. В ответной статье, изданной отдельной брошюрой, учёный посвятил пару страниц рассуждениям об истории белорусов в контексте восточнославянской истории. Уместно привести часть аргументов из этой дискуссии.

Так, по мнению Костомарова, весь русский народ распадается на две ветви: северно-русскую – великорусов, и южно-русскую – малороссов [6, с. 15]. По словам Костомарова следует также, что эти ветви не только равноправные, но и разновозрастные. Тут у Кояловича возникает вопрос: “А куда девалась Белоруссия, как она пристроена к родству общерусскому?” [6, с. 17]. По Костомарову следует, что “Белорусская ветвь славяно-русского народа принадлежит к разветвлениям северно-русской, хотя в силу исторических обстоятельств, часть ее значительно обособилась”. Коялович в этих словах видит низведение белорусов до нижней степени родства к общерусской семье и, упрекая Костомарова, пишет, что исторические старики (белорусы. – Р.С.) представлены юношами: “Дети стариков кривичей ... не могут быть представляемы юными историческими детьми северно-русского племени” [6, с. 18]. А далее справедливо упрекает Костомарова в том, что он сам писал о глубокой древности кривичей и их влияние на историю белорусов [6, с. 18].

Критику Костомарова Коялович называл попыткой ниспровергнуть факты исторического родства белорусского и малорусского племен. Слабым местом аргументов украинского автора он называл филологические выкладки, ссылаясь на Ю. Летголу и А. Гильфердинга, которые заявляли о некомпетентности Костомарова в этих вопросах [6, с. 9–10].

Коялович отмечал: “... великоруссы, и малороссы, и белорусы – один и тот же русский народ. Это прежде всего, а потом уже частности, особенности, которым никогда не следует давать преимущества перед основным элементом единства”. При этом он воздерживался от прямых обвинений украинофильства в антиимперском сепаратизме [6, с. 11–12].

С другой стороны он обвиняет Костомарова (и его единомышленников) в боязни родства малороссов с великорусами, которое, как ему представляется, отнюдь не унижает ни первых, ни вторых.

Окончательным (и самым убедительным) аргументом против позиции Костомарова выступал неоспоримый факт наличия литературного и государственного языка, “который не был ни малороссийский, ни белорусский, а просто западнорусский, равно понятный обоим племенам на которым писал воззвания к народу Б. Хмельницкий” [6, с. 20–21]. Что же касается Малороссии, то ее “существенные задачи ... упущены из виду, и все сосредоточено около малороссийской мовы (речи), мовы прекрасной и достойной всякого уважения в устах народа и в его естественных произведениях, но самой безобразной и злополучной для всей западной России, как мовы науки, как мовы, которую стараются создать самым деспотичным образом и с забвением всех общих интересов западной России” [6, с. 23–24].

Как известно, в 60-е гг. XIX в. начали появляться первые этнографические карты, в том числе и затрагивающие области, принципиально важные для изучения истории белорусского народа. Одной из первых была карта, составленная Родригом Эркертом. М.О. Коялович, в присущем ему стиле, дал оценку данной работы и серьезно раскритиковал позицию Эркерта. Михаил Осипович обратил особое внимание на основной принцип исследования, который сводился к определению этнической принадлежности по религии. Ссылаясь на работы П.О. Бобровского, он указывал о необходимости более серьезного подхода, учитывающего и другие особенности народа, например, языка (в том числе и простонародного), а не только вероисповедания. В частности, он заявлял: “Нет сомнения, что народная религиозная совесть может облекаться в национальные особенности и служить в свою очередь указанием их. Русские и поляки на столько же отличны между собою и по вере; на сколько по чисто национальным особенностям”. У русских (в широком смысле) вера национальна в простом народе, а у поляков наоборот [7, с. 18–19].

По мнению Кояловича, соединение западных губерний с Россией должно было быть невозможно только лишь усилиями местных властей. Вопрос мог сводиться к созданию почвы для этого путем внушения местному населению, что оно в культурно-языковом отношении принадлежит к России, больше чем к Польше. Причем тут важным аргументом становится проблема численности и соотношения сторон. Здесь Коялович прямо обвиняет Эркерта, который для иллюстрации более благоприятной картины, не только приписал полмиллиона значащих католиками белорусских крестьян и мелкой шляхты к полякам, но и поместил на своих картах не входящие в Российскую империю земли [7, с. 12–18].

Эрkert (да и другие этнографы того времени), с легкостью манипулировали статистическими и картографическими данными, что лишний раз подчеркивало наличие связи науки с политикой и даже идеологией. Не случайно предвзятость Эркерта заставила Кояловича подозревать его в наличии плана, по которому на первое место в Российской империи выходили бы немцы как наиболее способная и достаточно массовая этническая группа, которая могла бы решить национальную проблему [7, с. 3–4].

Интересно, что именно карта пограничья Литвы, Латвии и Беларуси, сделанная Эркертом, была использована литовскими националистами как аргумент в спорах о принадлежности Вильно и ее районов в противовес претензиям поляков и русских, в условиях распада Российской империи [8, pp. 256–259].

Главную проблему западнорусской истории Коялович видел в том, что колонизация и окатоличивание, начавшиеся в XVI в., лишили местное православное население от Вильно до Киева, в особенности же белорусов, национальной

элиты, что не только замедлило исторический процесс на этих землях, но и поставило вопрос о сохранении своей идентичности.

Заключение

Как известно, существуют разные концепции написания истории. Можно излагать историю отдельного государства или отслеживать историю одной определенной этнической общности. Классик исторической мысли XIX в. профессор Михаил Осипович Коялович в этом отношении имел весьма своеобразный подход. Тут сказывалось не только его религиозное воспитание. Он был человеком в высшей степени образованным и как полагается настоящему историку был хорошо знаком с историографией изучаемых им проблем. Но он не видел в трудах предшественников ответов на те сложные вопросы, которые бы затрагивали специфику исторического развития славян Восточной Европы, особенно населения т. н. Западной России. К решению этой проблемы он и обратился на достаточно высоком теоретическом уровне.

Ученый отмечал существенные признаки, объединявшие русский народ на протяжении его длительной истории (общие исторические предания, язык и вера). Изучая проблему наследия Киевской Руси, он отмечал, что образование соперничающих политических центров не разрывало народного единства, поскольку спор шел не о переделе, а о собирании общего наследия. С другой стороны, такой ход событий был нарушен со стороны Великого княжества Литовского после соединением его с Польским королевством. В результате исторически чуждые восточному славянству элементы польской истории (шляхетская идеология, католичество) стали рушить основы русской цивилизации. После трансформации правящего сословия и подмены ими своей «западнорусской» идентичности на польскую, а простой народ вынужден был испытывать тяжелый религиозный и национальный гнет. Выход из создавшегося положения он стал искать на востоке, в российском государстве, где видел развитие родственных ему начал (языка, веры, национальности). По Кояловичу эти процессы были стихийным, интуитивным поиском, единственно возможным в условиях, когда народ не мог сознательно участвовать в политической жизни ни в Речи Посполитой, ни в Московском царстве. Разделы Речи Посполитой и возвращение к более близкой в цивилизационном отношении России сопровождалось стремлением народа к восстановлению единства с Русской Церковью, которое вылилось в отмену униатства. Это положило начало новому этапу истории края, к детальному изучению которого и призывал Коялович: «Отнеситесь к Белоруссии с надлежащим вниманием, изучите ее надлежащим образом» [6, с. 23].

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. **Коялович, М.О.** История русского самосознания по историческим памятникам и научным сочинениям / М.О. Коялович. – СПб., 1901. – 594 с.
2. **Цьвікевіч, А.** «Западнорусизм»: Нарысы з гісторыі грамадзкай мыслі на Беларусі ў XIX і пачатку XX в. / А. Цьвікевіч. – Мінск : Навука і тэхніка, 1993. – 352 с.
3. **Коялович, М.О.** Лекции по русской истории / М.О. Коялович. – Гродно, 2008. – 587 с.
4. **Коялович, М.О.** Историческое призвание западно-русского Православного Духовенства / М.О. Коялович // Литовские епархиальные ведомости. – 1863. – №. 2. – С. 63–68.
5. **Долбилов, М.Д.** Русский край, чужая вера: этноконфессиональная политика империи в Литве и Белоруссии при Александре II / М.Д. Долбилов. – М. : Новое литературное обозрение, 2010. – 1000 с.

6. **Коялович, М.О.** Ответ г. Костомарову на его статью в № 118 газеты “Голос” / М.О. Коялович. – СПб. : Воен. тип., 1864. – 37 с.
7. **Коялович, М.О.** Взгляд г. Эркерта на Западную Россию / М.О. Коялович. – СПб. : Воен. тип., 1864. – 43 с.
8. **Petronis, V.** Constructing Lithuania, Ethnic Mapping in Tsarist Russia, ca. 1800–1914 / V. Petronis. – Stockholm, 2007. – 309 p.

Поступила в редакцию 06.05.2014 г.